

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИРОДУ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В статье прослеживается история становления современных взглядов на структурно-семантическую природу простого предложения в русском языке.

Современное понимание природы простого предложения в русском языке сложилось не сразу. Ему предшествовал длительный процесс наработки теоретических представлений о структурно-функциональной специфике многообразных типов простого предложения.

Факт исторического многообразия грамматических форм выражения сказуемого в русском языке был использован А.А. Потемной в его труде «Из записок по русской грамматике» (I—II) как доказательство антиисторичности логической унификации схем предложения и суждения [1]. После работ А.А.Потемни стало ясно, что наивный, прямой перенос на предложение основных конструктивных признаков суждения неправомерен. Такое смещение ведет к логической унификации всех типов предложения, мешает увидеть в предложении его национально-языковую специфику, его жизненные экспрессивные субъективно-речевые краски и грамматические своеобразия.

Для логики даже в глагольном типе номинативного предложения не существенны основные грамматические категории времени, лица и наклонения, определяющие структуру предложения. Логика сводит к нескольким обобщенным общечеловеческим схемам все живое многообразие типов предложения, резко отличающихся друг от друга в разных языках мира. Грамматика же рассматривает формы синтаксического выражения мысли, чувства и воли во всех особенностях их конкретного речевого строения, типичных для грамматического строя отдельных языков и их групп (семей), и предложение как предмет грамматического изучения обладает значительно большим количеством специфически выраженных народно-языковых признаков, чем общечеловеческая форма логического суждения. Анализ основных грамматических категорий, обнаруживающихся в строе предложения и определяющих его, например, категорий времени, модальности, предикативного сочетания слов и т. д., показывает специфику предложения, его коренные отличия от суждения, несмотря на тесную связь с ним. Суждение не может существовать вне предложения, которое является формой его образования и выражения. Но если суждение выражается в предложении, то это еще не значит, что назначение всякого предложения — выражать только суждение.

Из общего языкознания известно, что тип предложения не остается неподвижным. Он может иметь разные варианты, которые возникают на основе видоизменения и последующего абстрагирования тех или иных составных частей предложения, на основе обогащения и совершенствования его структуры. Так, исторически сложившаяся структура именного двусоставного (или двучленного) предложения прежде всего варьируется в зависимости от состава сказуемого, которое может быть выражено разными именными категориями (существительным, прилагательным, числительным, местоимением) или наречием именного типа и включать в себя связку, полузнаменательный или полувспомогательный глагол. Например: «*Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля*» (Тургенев. Рудин); «*Все это сваливалось в кладовые и все становилось гниль и прореха*» (Гоголь. Мертвые души); «*Богатырь ты будешь с виду и казак душой*» (Лермонтов. Казачья колыбельная песня); «*Она слыла чудачкой*» (Тургенев. Дворянское гнездо). Те разновидности именных предложений, которые содержат в своем составе так называемые полузнаменательные глаголы типа *остаться — остаться, считаться, казаться, показаться, оказаться, называться* и т. п., приближаются к глагольному типу предложения, являются глагольно-именными.

Еще более ярко выражен составной — именной и в то же время глагольный характер в предложениях со сложным сказуемым, куда входят в сочетании с именем существительным или прилагательным глаголы движения или состояния (типа *прийти, вернуться, ходить; работать, жить, сидеть, лежать* и т. п.). Например: «*Никто не родится героем, солдаты мужают в бою*» (Ошанин. солдаты мужают в бою).

С именем А. А. Потебни связана идея исторической изменчивости языковой формы предложения, идея развития типов предложения. А. А. Потебня, не имевший, как и все наши языковеды домарксистской эпохи, ясного представления о темпе и характере грамматических изменений, заявлял даже, что история языка должна дать ряд определений предложения, действительных для разных периодов развития языка. Но, несмотря на свою борьбу со смешением грамматики с логикой, А. А. Потебня был убежден, что расчлененное грамматическое предложение, так же как и суждение, по природе своей двучленно или двусоставно [8]. Именно с этой двучленностью или двусоставностью предложения (подлежащее — сказуемое) легко связывался признак наличия предикативных отношений между подлежащим и сказуемым [9], как основной структурный признак предложения.

Логическое суждение двучленно, если связку рассматривать как отношение между субъектом и предикатом. Поэтому мнение о неизбежной двучленности (или двусоставности) всякого предложения приобрело широкую популярность. Об этом так писал известный теоретик по вопросам синтаксиса Йон Рис, который сам уже испытывал недоверие к этому распространенному, хотя и не всеми разделяемому мнению: «Я считаю, что утверждение, будто двучленность (*Zweigliedrigkeit*) является необходимым моментом всех предложений, утверждение, которое выдвигалось с большой определенностью и горячо защищалось, оказывается несостоятельным при ближайшем рассмотрении». Вместе с тем Й. Рис все же был склонен думать, что признак двусоставности, двучленности должен считаться типическим признаком предложения вообще. Он писал: «С другой стороны, одночленные предложения находятся все же в таком меньшинстве, что они производят впечатление скорее редких исключений. Это обстоятельство опосредствованным образом приобретает огромное значение для вопроса о грамматической форме предложения: двучленность, сама по себе не необходимая для предложения, в качестве фактического свойства почти всех предложений, благодаря своему мощному численному превосходству, становится отличительным формальным признаком предложения вообще, даже должна была стать таким признаком». Эта точка зрения остается широко распространенной до сих пор. Она оказывает большое влияние на грамматический анализ одночленных (односоставных) предложений, т. е. таких предложений, в которых не может быть непосредственно обнаружено двух главных членов предложения — подлежащего и сказуемого.

В силу приравнивания всех видов предложений к основному двучленному (двусоставному) типу у нас очень долго не были предметом анализа конкретно-языковые формы и типы одночленных (односоставных) предложений. Правда, А. А. Потебня и его ученики испытывали большой интерес к безличным (или бессубъектным) предложениям вроде: *Светает, Морозит, Молнией убило человека* и т. п., т. е. к глагольным типам одночленных предложений. Однако вопрос об одночленном именном предложении был решительно выдвинут лишь в 80—90-х годах XIX в. проф. А. В. Добиашем. Он сопоставлял предложения типа *Мороз, Морозит и Морозно*, видя в них констатирование или обозначение явлений действительного мира. Но А. В. Добиаш не ставил перед собой задачи исчерпывающего описания всех видов одночленных или односоставных предложений. Эта задача была впервые в русском языкознании поставлена и отчасти разрешена акад. А. А. Шахматовым в его «Синтаксисе русского языка».

А. А. Шахматов собрал многочисленные и разнообразные факты из произведений народной словесности, русской литературы XIX—XX вв., а также из древнерусской

письменности, иллюстрирующие употребление разных видов односоставных или одночленных предложений в русском языке, и сопоставил их с однородными явлениями в других индоевропейских языках. Но, исходя из психологической и в основе своей идеалистической теории двучленной «коммуникации» как формы мышления, лежащей в основе предложения, А. А. Шахматов не мог дать ни удовлетворительной классификации односоставных предложений, ни точного описания их грамматической структуры. Он колебался между морфологическим (по морфологической природе главного члена) и логико-синтаксическим подходом к определению и разграничению разных видов односоставных предложений. В конце концов, А. А. Шахматов решил рассматривать их структуру по аналогии со строем двусоставных предложений. Правда, он пришел к выводу, что было бы заблуждением искать в каждом одночленном предложении два соотносительных и взаимосвязанных главных члена двусоставного предложения — подлежащее и сказуемое. Односоставное предложение — это, по определению Шахматова, такое предложение, в котором сочетание субъекта и предиката психологической коммуникации (или суждения) находит себе соответствие в одном члене предложения (выраженном большею частью одним словом), например: *Морозило, Тишина, Глупость! Яблок-то, яблок!* и т. д.

Следовательно, по А.А.Шахматову, в односоставном предложении нет соотносительных подлежащего и сказуемого, здесь налицо лишь один «главный член». «Член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, — писал А.А.Шахматов, — мы назовем г л а в н ы м ч л е н о м , главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях, таким образом не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое, с несомненностью, обнаруживается в самой коммуникации...». И все же А.А.Шахматов склонялся, правда, с очень существенными оговорками, к уподоблению главного члена односоставного предложения то подлежащему, то сказуемому двусоставного предложения и положил соответствующий критерий в основу разграничения и классификации типов односоставных предложений. Главный член односоставного предложения, по мнению А. А. Шахматова, может быть отождествлен формально или с подлежащим, или со сказуемым двусоставного предложения, причем, конечно, «...не следует забывать, что такое „сказуемое" отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что вызывает представление и о предикате, и о субъекте, между тем как сказуемое двусоставного предложения соответствует только предикату, а также, что „подлежащее" односоставного предложения вызывает представление и о субъекте, и о предикате, между тем как подлежащее двусоставных предложений соответствует только субъекту». Непоследовательность А.А.Шахматова в описании односоставных предложений очевидна.

Разграничение двух основных типов предложения - двусоставных и одно-составных - прочно вошло в научный синтаксис русского языка. Конкретное предложение может иметь в основе своего построения и одно единственное понятие или представление, грамматически соотношенное с действительностью.

Психологистическая или логистическая защита тезиса о необходимой двучленности (или двусоставности) всякого предложения всегда основывалась на отрыве от конкретно-исторического языкового материала и почти всегда опиралась на идеалистические предпосылки о тождестве или параллелизме речевых и мыслительных процессов и на отрицание отражения в речи объективной действительности.

Вопрос о формах и типах грамматического построения односоставных предложений нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. В высшей степени важно уяснить специфические особенности их структуры соотносительно с основными типами двусоставных предложений. Само собой разумеется, что было бы нецелесообразно стремиться к отысканию «подлежащих» и «сказуемых» или каких-нибудь их

«эквивалентов» во всех типах односоставных предложений. Однако в некоторых их формах можно найти морфологические соответствия одному из главных членов двусоставного (двучленного) предложения. Например, предложение *Градом побило рожь* находится в синонимической грамматической связи с двусоставным предложением *Град побил рожь*. Поэтому *побило* воспринимается как выраженное безличной формой глагола сказуемое односоставного предложения. Морфологическая категория безличности, свойственная глаголу, как бы санкционирует особую синтаксическую форму сказуемого, не соотносительного с подлежащим. Неопределенно-личные предложения (*Говорят, Просят не курить* и т. п.) и предложения обобщенно-личные (*Любишь кататься — люби и саночки возить*) также функционально-синтаксически (при наличии своеобразных семантических и стилистических оттенков) мало отличаются от двусоставных конкретно-личных глагольных предложений (ср. *Сижу и думаю — Я сижу и думаю; Ты видишь свои ошибки — Видишь свои ошибки* и т. п.). В неопределенно-личных предложениях форма 3-го лица множественного числа глагола обозначает личное действие, осуществляемое неопределенным количеством, неопределенным множеством лиц; в обобщенно-личных предложениях форма 2-го лица выражает действие, связываемое с собирательным лицом, с любым человеком вообще.

В настоящее время главная задача синтаксиса русского языка в области изучения предложения до некоторой степени предопределена историей развития нашей отечественной грамматики. Эта задача состоит в том, чтобы изучить все конкретно-языковые формы или структурные особенности основных разновидностей двусоставных (или двучленных) и односоставных (или одночленных) предложений в современном русском языке и выяснить последовательность, пути и законности их исторического развития.

Общая теория синтаксиса, которая широко использовалась в традиционном языкознании до последнего времени, не отбрасывает проблемы связи логических и синтаксических, шире - вообще грамматических категорий. Последовательное применение положения о неразрывном единстве языка и мышления позволяет обосновать и подтвердить фактами языка связь логических и синтаксических категорий и в то же время обнаружить их действительные различия, обусловленные спецификой внутренних законов развития языка. Однако грамматика как наука, абстрагирующая свои закономерности от конкретного народно-языкового материала на широкой исторической основе, не может и не должна смешиваться с логикой. В отличие от формальной логики, как науки о законах правильного мышления, грамматика, опираясь на материалистическую диалектику, изучает исторические законы построения той или иной конкретной народной речи, в которой реализуется мысль. Следовательно, и синтаксис как часть грамматики имеет свои объекты исследования — словосочетание и предложение, свой научный метод и решает свои специфические задачи, в том числе и свои задачи изучения предложений и их членов.

Этот вывод не оспаривается и в современных синтаксических исследованиях. Общеизвестно, что структура предложения бывает качественно различна в языках разных народов, разных наций (ср., например, предложение номинативного типа в индоевропейских языках и предложение эргативного типа в так называемых «иберийско-кавказских» языках). Между тем, как это принято считать в большинстве исследований по логике, субъектно-предикативная структура простого суждения имеет общечеловеческий характер. Она не зависит ни от исторических, ни от национальных различий, но субъект и предикат суждения в предложениях разных языков выражаются по-разному. Выработанные в языке грамматические формы членов предложения не сливаются и не совпадают с логическими членами суждения. Так, специалисты по иберийско-кавказским языкам доказывают, что в грузинском и в некоторых других кавказских языках в качестве главных членов предложения выступают не только подлежащее и сказуемое, но — при

определенной (эргативной) конструкции предложения — и «прямое дополнение», которого логика в составе суждения не различает. Логическое суждение реализуется в предложении разнообразными языковыми средствами.

Обычно говорят, что слова и словосочетания, соединенные в предложении большей частью посредством тех же приемов согласования, управления и примыкания, которые характерны для связей слов внутри словосочетания, без соответствующей организации их интонационными средствами еще не представляют собой сообщения. Интонационными средствами устанавливается, обуславливается коммуникативное значение слов в предложении, определяется членение предложения и осуществляется его внутреннее единство. Благодаря интонации не только соединения слов, но и отдельные слова могут приобрести значение предложений. Академик А.А.Шахматов так писал об этом в своем «Синтаксисе русского языка»: «...условием для перехода отдельного слова и словосочетания в предложение является законченность мысли и законченность соответствующего словесного выражения; законченность мысли предполагает наличие в таком словосочетании сочетающихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой объединяющей члены словосочетания в одно целое интонации». Можно сомневаться в том, что в каждом предложении, даже в разговорном предложении резко эмоционального, грамматически нерасчлененного характера вроде: *Ну и ну! То-то! Ваня! Еще бы! Вот тебе на! Ай, ай, ай!* и т. п., выражается предикативное сочетание субъекта и предиката, но нельзя сомневаться в том, что этим выражениям или высказываниям присуща интонация сообщения. Интонация сообщения, таким образом, является важным средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения. Именно в этом признаке заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания. Различием интонаций в значительной степени определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложений — предложения повествовательные, вопросительные и побудительные. «Что бы мы ни сказали, — писал в своем «Русском синтаксисе» проф. А. М. Пешковский, сделавший много интересных наблюдений в области русской ритмомелодики, — мы высказываем это либо повествовательно, либо вопросительно, либо восклицательно (включая в эту последнюю характеристику и интонацию побудительности. — В. В.). Как ни важна для нас разница между этими тремя видами речи, она все-таки не м а т е р и а л ь н а , а ф о р м а л ь н а . Скажем ли мы *он здесь*, или *он здесь?* или *он здесь!* — материал нашей мысли остается один и тот же: представление о „нем" и о месте, где „он" находится. Меняется только о т н о ш е н и е наше к данной мысли: в одном случае мы просто желаем поделиться со слушателем найденной нами реальной связью или отсутствием ее (при отрицании) между двумя представлениями, образующими в данном случае мысль, в другом случае мы не решаемся сами признать реальность или нереальность связи и ждем разъяснения в этом отношении от собеседника, в третьем — мы не только полностью убеждены в реальности или нереальности связи, но и выражаем наши чувства, внушенные нам этой связью. Все эти различия — г р а м м а т и ч е с к и е , и выражаются они в русском языке почти исключительно интонацией...» Главными интонационными средствами, выполняющими основные функции в организации предложения, являются ударение и мелодика.

По нашему мнению, предложение является многоаспектной синтаксической единицей. Как единица языка оно должно изучаться прежде всего с точки зрения своеобразия его структурной схемы и связанной с ней конкретной пропозиции.

Литература

1. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение. 1968.
2. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. -М.: Просвещение. 1950.
3. Грамматика русского языка Т. II Синтаксис. - М.: Акад. Наук. 1960.

4. Шведова Н.Ю. Грамматика современного русского литературного языка.- М.: Наука, 1970.
5. Современный русский язык / Под. Ред. В.А. Белошапковой. – М., 1981.